

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

И.К. Пантин

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕЛОМ: ПРОЛОГ К СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Автор статьи порывает с устойчивой традицией, закрепившейся в левой литературе, которая рассматривала Октябрьскую революцию как начало перехода России к социализму. Проблема, на его взгляд, значительно сложнее. Разрешить вековой спор миллионов крестьян с дворянской и сросшейся с ней буржуазной Россией, создать предпосылки современной цивилизации оказалось невозможным в нашей стране, не свергнув власть буржуазии и не разрушив тот капитализм, который сформировался в стране после 1861 г. Некапиталистический путь нашей страны после гражданской войны оказался тяжелым и драматическим из-за экономической и культурной отсталости. Ленин был одним из немногих, кто понял, насколько губительным для новой России является якобински-революционная модель «перехода к социализму», отождествление «социалистического» с отрицанием всего «буржуазного» (способов хозяйствования, организации производства, буржуазной культуры и т.п.), поставил вопрос о движении к социализму на почву исторического компромисса с крестьянством и культурной революции. Ленинское понимание социалистической перспективы вступило, однако, в противоречие с военно-коммунистическими убеждениями большинства членов большевистской партии, связывавших социализм с простым уничтожением буржуазных классов и диктатурой пролетариата. Выразителем этих настроений в партии после смерти Ленина становится сталинское руководство. Благодаря Сталину социалистический путь отныне связывается исключительно с форсированной индустриализацией страны. Ей в жертву было принесено самостоятельное крестьянское хозяйство («коллективизация деревни»), развязан террор против недовольных (борьба с «врагами народа»), установлена тоталитарная власть вождей партии («диктатура пролетариата»). В результате наша страна, как когда-то Франция, расплатилась за прорыв отставанием от других государств — шире — от современной цивилизации. Но решающий шаг к Современности был все-таки сделан. Сегодня вопрос стоит об ускорении и расширении этого исторического движения.

Ключевые слова: философия, революция, якобинство, термидор, гегемония, Современность, компромисс, социализм, пролетариат, культура.

Вглядываясь в прошлое, мы видим, что великие революции Нового времени никогда не повторяют друг друга. Каждая из них что-то меняет в характере и темпах общественных преобразований — в зависимости от обстоятельств, истории страны, уровня развития цивилизации, от сил, которые революция высвобождает, от способа действий революционных партий и т.п. Однако реконструировать каждую из революций в ее специфике, своеобразии не так-то просто. Тут не помогает ни скрупулезное изучение исторических фактов (хотя без него обойтись невозможно), ни «чистая» философско-социологическая рефлексия (абстрактно-всеобщее не схватывает сущность предмета). Чтобы уяснить

себе своеобразие любой революции, приходится включать ее в общий исторический ряд, соотносить ее с другими революциями. Как нам представляется, сопоставление российской пролетарской, точнее пролетарски-крестьянской революции 1917 г. и французской буржуазно-демократической революции 1789 г. не только теоретически оправдано, но и способно пролить дополнительный свет на некоторые черты революционного способа действий вообще и в нашей стране в частности, если, конечно, сближая эти события, имеющие переломный характер для истории, мы не упустим из виду их глубокого, существенного различия.

«Революция 1789 года, — писал К. Маркс, — имела своим прообразом (по крайней мере, в Ев-

ропе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед не только по времени, но и по своему содержанию»¹. Российская пролетарская революция, разразившаяся в эпилоге эпохи европейских революций, в свою очередь, заимствовала многое в методах действия, в осознании своего хода, перипетий и непосредственных результатов у Французской буржуазной революции, хотя по «своему содержанию» и отличается от нее. Что сближает российскую пролетарскую с французской буржуазной? Что дает возможность сравнивать столь существенно различные исторические события? Движение истории, взятое как целое, — только оно дает точку зрения, с которой может открыться внутренняя связь между событиями разных эпох, координация этих событий в пространстве и времени. Что же открывается нам в данном случае?

И во Франции, и в России огромное воздействие на ход событий оказали выступления социальных низов, толкавших революцию дальше исторически возможного с последующим откатом, движением вспять. В обеих странах социальные низы «наложили на весь ход революции отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество на месте разрушаемого старого»². Характерно, что и якобинскому Конвенту, и советскому правительству приходилось, опираясь на сознательные элементы переворота, сдерживать стихийно-хаотические, ультрареволюционные устремления низов — городской бедноты в одном случае, отсталых слоев пролетариата — в другом³.

Не последнюю роль в общей схеме развития событий в революциях во Франции и России сыграло наличие крупных городских центров. Париж — с одной стороны, Петроград и Москва — с другой, своими авторитетными действиями избавляли народ от необходимости в каждой отдельной местности всякий раз заново решать борьбой основной исторический спор. Правда, в России ввиду наличия национальных окраин и их громадного культурного и социального отрыва от центра борьба

порой распадается на ряд обособленных выступлений. И все же в обеих революциях социальный вопрос (как бы он не формулировался) получил перевес над стремлением к местной автономии и национальному обособлению.

И во Франции, и в России огромную роль сыграла революционность якобинского типа. Характерная черта якобинства — насильственное «навязывание» остальным классам (в России — крестьянству) позиций и мер, идущих дальше, чем те, которые были возможны благодаря наличным историческим предпосылкам. Как когда-то революционная Франция приняла гегемонию якобинцев, так революционная Россия приняла гегемонию рабочих Петрограда, Москвы, Харькова, Иванова и т.д. Пределом якобинской политики большевиков — развязывания энергии крестьянских масс с тем, чтобы сделать их соперниками пролетариата в борьбе с буржуазией — стало начало 1921 г., когда завершился разгром армии Врангеля. Вскоре кронштадтский мятеж, «антоновщина» и другие выступления показали, что крестьянство не намерено больше мириться с продразверсткой и «военным коммунизмом». Якобинская фаза пролетарской революции была закончена.

И, наконец, последнее по счету, но отнюдь не по значению — термидор. Термидор, вообще говоря, означает остановку революции, поворот ее вспять. Термидор — характерное следствие такого типа революций, которые из-за форсирования событий и создания положения совершившихся фактов, навязывают обществу изменения, идущие дальше возможного; их еще предстоит «переварить», сделать «рациональными», «работающими» в данных исторических условиях. Другими словами, якобинская революционность своей оборотной стороной и дополнением имеет термидор — контрреволюционный переворот, обуздывающий «первозданные» силы, вызванные к жизни революцией.

Следует, по-видимому, согласиться с М.Я. Гефтером, что подобно тому, как существуют разные прогрессы (разные его типы, степени, формы), есть и разные «термидоры»⁴. Во Франции превращение исторического скачка в новую повседневность, в новый рассудок осуществляется с помощью военной диктатуры. Череду сменяющих друг друга термидорианцев с помощью переворота 18-го брюмера завершает Наполеон. Это

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 114.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 33. С. 39.

³ См.: Ревуненко В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская диктатура и ее крушение. Л., 1983; Крицман Л. Героический период Великой русской революции (Опыт анализа т. н. «военного коммунизма»). М.: Госиздат, б.г.

⁴ Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 61.

его военный гений в сочетании с разбойничьим нравом превращает новое государство, по выражению Лабриолы, в упорядоченную бюрократию, опирающуюся на победоносный милитаризм. Основой «термидора» в России, а вернее, основой «самотермидоризации» российской революции («Рабочие-якобинцы более проникательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы, — говорил Ленин Ж. Садулю в 1921 г., — и имели мужество и мудрость сами себя термидоризировать») должен был, по мысли Ленина, стать НЭП. Именно с помощью НЭПа предполагалось привести завоеванное в соответствие с наличными экономическими и культурными условиями, покончить с политикой «военного коммунизма».

Надо сказать, однако, что НЭП как проект политики «самотермидоризации» оказался уязвимым в одном, но главном, решающем отношении — не была коренным образом реформирована политическая надстройка (особенно партия), сложившаяся при царизме и в годы гражданской войны. Смерть Ленина, единственного, пожалуй, из всех вождей партии, кто начинал представлять себе смысл преобразований, связанных с «самотермидоризацией», прервала перемены в политическом строе страны, а уж тем более намеченные вождем персональные перемены в руководстве партии.

Из вышеизложенного, думается, очевидно: абстрактное противопоставление двух конкретных победоносных революций — французской и российской — не только обедняет понимание собственно истории; сверх того, оно показывает тщетность попыток «разорвать связь времен», отделяя пропастью пролетарскую революцию от буржуазной. Следует, однако, отдавать себе отчет и в том, что отличает рассматриваемые нами две великие революции. Речь идет не о национально-особенном, а об исторически-специфичном, которое связано с иной, более высокой стадией всемирной истории. Новое в Октябрьской революции, по-видимому, заключается прежде всего в переводе задач, решенных в свое время Францией (как и другими странами Западной Европы), на другую историческую почву, при иной, изменившейся группировке общественных сил (гегемония пролетариата, а не буржуазии). Новое также — в невозможности очистить российское общество от средневековья, завоевать основные условия современной цивилизации, не затрагивая экономического и политического господства буржуазии. Наконец, новое — в невозможности высвободить

колоссальные источники революционной энергии и овладеть ими, оставаясь в пределах идеологии и средств старых, буржуазных революций⁵.

Октябрьскую революцию, долгое время называли социалистической, желая подчеркнуть, что в 1917 г. произошел формационный перелом: этой революцией в России был якобы начат переход мира от капитализма к социализму. Хотя данная констатация имеет некоторый резон (если, например, иметь в виду роль социалистической идеологии), она все же носит чересчур общий характер. Исторический опыт СССР и других стран существенно изменил наши критерии в оценке того, что может быть названо социализмом и социалистическими мерами. Спустя десятилетия мы понимаем, что социализм постоянно, от эпохи к эпохе изменяется, как изменяются его цели и требования, что развитие трудящихся как политической и социальной силы предполагает не только превращение их в субъекта экономики, в хозяев средств производства, но прежде всего такой тип общественного развития, которые обеспечивают всесторонний прогресс членов общества. Ибо сегодня, как никогда, ясно, что трудящийся подчинен капиталистическому производству не просто из-за отсутствия у него средств труда, но и вследствие характера и способа своего труда. Другими словами, подчиненное положение работника в капиталистическом производстве связано с определенной ступенью и мерой развития человека, его «социального качества». Не случайно, по словам Маркса, «частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения и производительные силы всесторонни, и только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т.е. превратить в свою свободную жизнедеятельность»⁶.

В этом смысле всеобщее огосударствление средств производства и наличных общественных отношений, совершившееся в СССР на грани 20-30-х гг. XX в. свидетельствовало не о переходе к социализму, а скорее, о чрезвычайных антибуржуазных мерах ВКП(б) и советской власти, сыгравших в то время — в какой мере, об этом можно спорить — свою позитивную роль в экономическом прогрессе страны. Во всяком случае уничтожение частной собственности, всеобщее

⁵ См.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 441.

огосударствление экономики и общественных отношений оказались способными ускорить промышленную модернизацию страны (хотя бы за счет ликвидации паразитического потребления и перераспределения национального продукта в пользу развития индустрии), но «всестороннего развития индивидов» (Маркс), без которого немислим социализм, они обеспечить не смогли по определению. Мы уже не говорим о «цене» такого прогресса (стагнация сельского хозяйства, террор против собственного народа, полнейшее господство бюрократии). Думается, если и существовал в Октябрьской революции собственно социалистический — по Марксу — компонент, то он ограничивался реально: а) нападением на частную собственность; б) гегемонией в революции рабочего класса, не более того. Речь в России могла идти только об одном — о *праве начать* решение исторической задачи социалистического преобразования общества, как она была сформулирована в марксизме, решения, которое европейский пролетариат продолжил бы и завершил...

В этой связи возникает трудная задача определения действительного характера Октябрьской революции.

О революционных эпохах нельзя судить по их сознанию, неоднократно подчеркивал Маркс. Чтобы не впадать в идеологическую односторонность исследователи обязаны различать (а иногда и разводить) осознание смысла действий самими участниками переворота и реальную политическую трактовку. В том, что действующие лица Октябрьской революции осмысливали свои задачи как социалистические, таилась двоякого рода тенденция. С одной стороны, социалистический ингредиент идеологии связывал демократизм рабочих и крестьян с проповедью далеко идущих преобразований, которые выходили за рамки допустимого для буржуазии. С другой — в этом преувеличении исторических задач революции таилась возможность отхода революционной мысли и политического действия от реальных проблем российской действительности, опасность волюнтаристского навязывания «социализма» народным массам, не считаясь ни с их интересами, ни с достигнутым ими уровнем развития. История России в начале XX в. продемонстрировала обе тенденции: и поистине всеобъемлющий размах социальных преобразований, и готовность руководства большевиков развязать террор против собственного народа во имя «построения социализма».

Таким образом, Русская революция, включая октябрьский перелом 1917 г., легитимируется автором, как, по-видимому, уже понял читатель, не через социализм или переход к социализму (хотя действующие лица исторической драмы именно так ее осознали и обосновывали), а прежде всего через ответы на вызовы Современности. Как отмечал Б.Г.Капустин в своей работе «Современность как предмет политической теории», «Современность есть не еще одна структура и характеристика общества, а проблема, причем проблема культурная, оборачивающаяся центральной политической проблемой тех обществ, которые с ней сталкиваются (как скажем, Россия в XX в. — *И.П.*) и которые после такого «столкновения» уже не могут от нее «укрыться»⁷. В этой связи по-иному предстает такое событие, как Октябрьский политический переворот 1917 г. Проблема России в начале XX в. заключалась отнюдь не в том, что капитализм якобы исчерпал ресурсы развития; совсем напротив, он быстро рос и в нашей стране и на Западе, а в невозможности преодолеть с помощью «обычного» буржуазного экономического роста старые, идущие от российского крепостнического прошлого, и новые, связанные с особенностями современного капиталистического развития страны социальные диспропорции и антагонизмы. Прогресс в России, который не переставая быть буржуазным по своему экономическому содержанию, оказался невозможным без взрыва буржуазной политической оболочки, а также радикальных мер, выходящих за пределы «старого», прусско-юнкерского капитализма. Создать условия для появления свободных земледельцев, завершить вековой спор миллионов крестьян с дворянской (и сросшейся с ней буржуазной) Россией, разделаться со средневековьем в отношениях, умах и нравах населения стало исторической миссией пролетарско-крестьянской революции во главе с большевиками. Другое дело, что завоевать эти более высокие условия прогресса оказалось невозможным, не затронув в ходе революции как первичные, так и более развитые формы того капитализма, который сформировался после 1861 г. Переход после окончания гражданской войны на позиции, соответствовавшие экономическим и культурным предпосылкам, существовавшим тогда в России, обнажил это внутреннее противо-

⁷ Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998. С. 3.

речие Октябрьской революции и заставил Ленина и большевистское руководство ввести НЭП, признать неизбежность рынка и товарно-денежных отношений, хотя уже под началом пролетарской власти.

Автор отдает себе отчет в том, что порывает с устойчивой традицией, закрепившейся в левой литературе, рассматривать Октябрьскую революцию как начало перехода России и мира к социализму. В особенности в советской литературе Октябрьская революция выводилась напрямую «по Марксу» из развития капитализма в нашей стране, нараставших противоречий между буржуазией и пролетариатом (иначе ведь нельзя было объяснить социалистический характер революции). При этом напрочь игнорировалось то, что «стаж» промышленного капитализма в России насчитывал всего несколько десятилетий, а главными вопросами октябрьского (1917) политического переворота были вопрос о мире и вопрос о земле, а отнюдь не «рабочий вопрос». Разумеется, капитализм, особенно международный, его противоречия входили в состав событий Русской революции — без них невозможно уяснить ее специфику. Но являлись ли они причиной революции и, главное, как они входили в последующие события — вот проблемы, то или иное решение которых разделило в свое время и разделяет до сих пор исследователей. (Характерно, что нынешние противники коммунизма из лагеря либералов, консерваторов и монархистов подхватили концепцию левых и с упоением списывают на социализм все злодеяния сталинского режима).

На рубеже 20-х гг. нашего века общеевропейский политический кризис, вызванный первой мировой войной, вне которого нельзя понять революцию в России, миновал. Буржуазным режимам удалось нанести поражение пролетарскому авангарду в Европе. Становилось очевидным, что та историческая ситуация, которая поставила в порядок дня вопрос о социалистической альтернативе капитализму, исчезла, а вместе с ней и надежды большевиков на близкую пролетарскую революцию на Западе. Необходимо было признать неопровержимый факт: пролетарский переворот в России оказался не в состоянии вызвать к жизни цепную реакцию революционных перемен в капиталистическом мире. Первая пролетарская революция осталась наедине с собой, с проблемами отсталой России, не имевшими ничего общего с

социализмом, окруженная со всех сторон капиталистическими государствами⁸.

Быть может, именно после окончания гражданской войны, т.е. в начале 20-х гг., проблема исторического содержания Октября впервые встает перед страной и партией со всей неотвратимостью. Пока существовали надежды на европейскую революцию, альтернатива капитализму рисовалась в весьма общих, обнадеживающих тонах. Трудности и противоречия экономического развития России считалось возможным преодолеть относительно безболезненно на социалистическом пути, при государственной помощи пролетариата ведущих индустриальных стран. В этом смысле «мировая революция» выступала для РКП(б) одновременно и гарантией против попыток задушить пролетарскую революцию в России, и средством придать ей общеевропейское социалистическое содержание. Поражение, которое потерпел революционный натиск европейского пролетариата, в корне меняло ситуацию в России. Отныне Октябрьскую революцию уже нельзя было рассматривать только в качестве радикальной антитезы буржуазному строю, его действительным и мнимым порокам. Конечно, от социалистической идеологии, включавшей такие меры как упразднение частной собственности (в ней, согласно доктрине, усматривался главный, если не единственный источник социальных зол), ликвидация разрозненных производственных единиц, товарного производства, рынка, конкуренции и т.п. никто не думал отказываться. Но и руководствоваться ею по-прежнему было нельзя. Нужно было выработать более реалистический политический курс, который бы учитывал своеобразие российской действительности, данный этап исторической и экономической эволюции страны.

Вообще говоря, ситуация, подобная российской, была отчасти предсказана Энгельсом в «Крестьянской войне в Германии». «Самым худшим из всего, что предстоит вождю крайней партии, писал он, — является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство»⁹. Все, что она будет вынуждена делать, будет противоречить данным партией обе-

⁸ См.: Лебедев А.А. Проблема политических компромиссов // Ленин как политический мыслитель. М., 1981.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 423-424.

щаниям, «классической» доктрине социализма и непосредственным интересам представляемого ею класса. ВКП(б) в интересах закрепления гегемонии пролетариата обязана была отстаивать интересы большинства населения — мелкобуржуазного крестьянства, убеждая *свой* класс, что эти интересы в итоге развития будут становиться факторами движения к социализму. «Кто раз попал в это ложное, — констатировал Энгельс — тот погиб безвозвратно»¹⁰. Мы, разумеется, учитываем, что взгляды основоположников марксизма развивались. В 90-х гг. XIX в. Энгельс вряд ли стал бы настаивать на такого рода жестких суждениях, особенно по отношению к российскому пролетарскому движению. Но для нас эта жесткость как раз полезна: в теоретически «завинченных» формулировках Энгельса четко проглядывается громадной важности политическая *проблема*, с которой столкнулась РКП(б) и рабочий класс России после победы в гражданской войне.

В чем же она заключалась? В противоречии социалистической власти буржуазным по своей сути задачам преобразования страны, в необходимости социального *компромисса*. Словом в 20-х гг. на повестку дня помимо воли и желания революционеров вставала такая специфическая форма борьбы, как компромисс, в которой момент соглашения и сосуществования преобладает над моментом взаимоисключения. Компромисс в тех условиях выступал в качестве единственно действенного средства сохранения исторического содержания, которое завоевал для страны пролетарский переворот 1917 г. Чтобы выйти из исторического тупика, нужно было научиться, как точно сформулировал Ленин, «соединять противоположности», отсекал крайние варианты, идти непривычным для революционеров, особенно для большевиков, путем компромисса. Иного в тех условиях было просто не дано.

Эта коренная перемена задач, принципиально новая постановка проблемы социализма в России предлагала, прежде всего, отказ от якобински-революционной модели перехода к социализму и далась поэтому нелегко. Оказавшись к весне 1921-го перед угрозой массовых возмущений солдатско-крестьянской массы, большевики вынуждены были перевести неуправляемую революцию в хотя бы отчасти направляемую эволюцию, на путь «реформирования сверху». Допускался в «определенной мере» (точнее, на ощупь определенной

мере!) капитализм в крестьянской мелкотоварной экономике, в торговле, отчасти в промышленности. Продразверстка, угнетающая крестьянское хозяйство, заменялась фиксированным продналогом (он был переведен вскоре из натуральной формы в денежную). Пришлось разрешить свободную торговлю хлебом. Вместо так и не состоявшегося прямого продуктообмена между городом и деревней связь промышленности с мелкокрестьянским сектором пошла уже через рынок, а в самой промышленности вводилось трестирование с «буржуазным» хозрасчетом. Однако элементы капитализма в экономике вводились при сохранении за Советским государством командных высот в промышленности, оптовой торговле (через СНК, ВСНХ, Госплан) и при ужесточении диктаторского политического единовластия большевиков в политике. Тот факт, что признание неизбежности рынка, всероссийского товарооборота носило в значительной степени вынужденный характер, сказался и на понимании Лениным, творцом нэпа, сущности этой политики, обусловив ее половинчатость, непоследовательность. Иначе чем объяснить его мнение, будто «правильными отношениями» между промышленностью и земледелием являются бестоварные, внерыночные отношения, его обещание вернуться впоследствии к террору и т.п. И тем не менее вождь Октябрьской революции твердо отстаивает путь компромисса. Констатируя различие интересов крестьянства и городского пролетариата («мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий»), Ленин признает, что эти несовпадающие интересы «в равной степени заслуживают удовлетворения». Вместо призывов к «решительности» (насилию) в ленинском лексиконе выдвигаются на первый план такие понятия, как «компромисс», «уступка», «уступчивость», «постепенство» и «реформизм», «оживление предпринимательства» и т.п. И главное он призывает «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами»¹¹.

Октябрьская революция 1917 г. стала победой новой России над старой. Однако то, что сформировалось на развалинах прежних отношений, оказалось весьма далеким от социалистического строя. Старая Россия, по-видимому, не умерла, она продолжала существовать рядом с побе-

¹⁰ Там же. С. 424.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 78.

дившей властью. От прошлого революционная Россия унаследовала целый ряд проблем, по отношению к которым революция вынуждена была выступать не переломом, а завершением развития. Иначе говоря, революция, разрушившая прежний буржуазный строй, в ряде существенных отношений призвана была по-своему, своими средствами *продолжить* историческую работу капитализма, остановившуюся, так сказать, на полдороге. Вряд ли эту особенность революции можно считать только российской. Однако вся необычность ситуации в нашей стране, с которой не справилась большевистская партия, как раз и заключалась в том, что благодаря победе пролетарской революции партии рабочего класса пришлось столкнуться с первейшим условием всякой гегемонии — необходимостью подчинения «своих» непосредственных требований общенациональным, а стало быть, и «чужим», в случае с Россией — крестьянским, интересам. Пролетарской партии предстояло, располагая неограниченной политической властью, медленно, постепенно продвигаться вперед, заново завоевывая в упорной экономической, социальной, культурной борьбе одну позицию за другой, делая завоеванное плацдармом дальнейшего продвижения. НЭП (если бы его идеи одержали победу в партии) как раз и означал медленное, шаг за шагом продвижение вперед, но продвижение на значительно более широкой основе, вместе со всей массой мелких производителей, прежде всего крестьян. НЭП, другими словами, был альтернативой Октябрьскому перевороту, он превращал пролетарскую революционность в реалистический, соответствующий конкретным условиям России путь построения современного общества, открывая возможность перехода к более эффективному развитию экономики и общества в крестьянской стране. Вопрос стоял так: либо НЭП — коренное обновление начал Октябрьской революции, либо — следование по пути пролетарского якобинизма.

Обновление начал Октября и переход к социалистическому реформизму означало для Ленина нечто неизмеримо большее, чем просто очередной политический маневр. Оно означало обновление начал и путей развития социализма, созвучное, скорее, не XIX-му, а XX и XXI вв. Социализм, согласно Ленину, возникает только в меру «снятия» рабочим классом всего того, что было создано буржуазной цивилизацией, в меру *преодоления* капитализма в общественной,

экономической и культурной областях жизни и никак иначе. Таким образом ставился под сомнение основополагающий марксистский постулат исключительности нового мира, а с ним вместе идея социального первородства рабочего класса — главной силы будущего социального устройства. Идея исторического компромисса, к которой Ленин пришел к концу жизни, основывалась как раз на предпосылке *несводимости* разных укладов к одному-единственному, даже самому передовому, прогрессивному. Решающее значение приобретала социальная форма исторического движения, связанная не только с экономикой, но и с развитием социальных отношений, культуры.

Существование различных укладов в условиях рынка и товарного производства, повышение агрикультуры крестьянского хозяйства благодаря помощи со стороны государства, постепенное и *обязательно добровольное* кооперирование крестьянства, культурная революция, цивилизаторская работа с заново открываемых азов, поиск единства основных классов российского общества, которое бы считалось со старыми и новыми реалиями — вот главные составляющие нового стратегического курса, рассчитанного на долгие годы, задуманного Лениным в начале 20-х годов XX века. «В сущности говоря, — писал он, — кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве НЭПа есть все что нам нужно, потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, ... проверки и контроля над государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов»¹². Таким образом, России предстояло совершить переход к совершенно новому пути общественного развития непредуказанному социалистами XIX в., включая основоположников марксизма, — к сосуществованию совершенно разных экономических укладов в условиях рыночного хозяйства при регулирующей роли пролетарского авангарда. Если угодно, впервые признавалось, — скорее на практике, чем в теории — что взятые в отдельности ни капитализм, ни социализм не могут быть единственностью мира. В такой многоукладной стране, как Россия, некапиталистическое развитие означало не «введение социализма» под видом его «строительства», а *синхронизацию* разнонаправленного развития в направлении организации

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

современных форм хозяйствования и эволюции к социализму. Разнообразие становилось бы в этом случае не препятствием для экономического и культурного прогресса, а фундаментальной нормой и условием социального общежития народов России.

Это коренное изменение постановки вопроса о социализме осталось не понятой большинством партии, о чем, в частности, свидетельствовало одобрение на X-м съезде РКП(б) — почти без дискуссий! — перехода от продрозверстки к продналогу, который предполагал далеко идущие изменения в экономической политике пролетарского государства. (возрождение частного капитала, денационализация некоторой части предприятий, переход к денежному обращению и к рынку). НЭП, в том случае, когда он не вызывал отчаяния и деморализации, понимался большинством партийцев как временный политический маневр партии, с неизбежностью предполагающий последующее решительное наступление против буржуазии, средней и мелкой. Сталин точно сформулировал это понимание, когда заявил: «Если мы придерживаемся нэпа, то потому, что он служит делу социализма. А когда он перестанет служить делу социализма, мы его выбросим к черту»¹³. То, что было ядром «военного коммунизма» — концентрация власти в руках большевистской партии, диктатура пролетариата, не считающаяся с законом, вера в воспитательное значение насилия, коммунистический мессианизм и т.п. оставались в неприкосновенности. Они просто-напросто были задвинуты на время на задний план, но продолжали жить в сознании партийных функционеров и части рабочего класса. Нужны были только подходящие условия, чтобы этот комплекс идей и действий дал о себе знать.

Предчувствуя опасность болезни «левизны» в РКП(б), Ленин предупреждал в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» (1921 г.): «Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, — но погибнут наверняка лишь в том случае, — если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному»¹⁴. Предупреждения эти не

возымели действия, а значит, «внутренний провал» дела Октября становился неизбежным.

Но не только непонимание обусловило провал ленинского замысла «самотермидоризации». Не меньшую, а может быть, большую роль сыграла культурная отсталость страны.

Социальная революция такого типа, как Октябрьская, не только разрывает «порочные» исторические круги, но на новом уровне она их создает. Ведь движение по «перевернутой» схеме: сначала пролетарская власть, затем, на этой основе, создание материальных предпосылок для рывка вперед — предполагает особую зрелость «субъективного» фактора — не только политическую, но и культурную. Зрелость же в свою очередь предполагает, в качестве условия, иной, более высокий уровень развития производства, т.е. предпосылку, которую еще предстояло создать в России. Круг этот невозможно (чрезвычайно трудно) превратить в спираль, пока страна находится в изоляции, замкнута на внутренних условиях, вырвана из международного разделения труда и правильных экономических и культурных отношений с другими странами.

Ленинский план «подтягивания» России до уровня цивилизованных стран с помощью передовой политической надстройки имел, вне сомнения, резон. Но передовой надстройка была в 20-е гг. лишь потенциально. «Наш аппарат» (аппарат государства. — *И.П.*), признавал Ленин, «из рук вон плох», он представляет оказавшийся в пролетарских руках «пережиток старого», «буржуазную и царскую мешанину» со всеми ее прелестями. К тому же государственная машина сильно бюрократизирована — не случайно Ленин говорил, что борьба с бюрократизмом займет у нас «целую эпоху», — и слабо контролировалась ЦК партии, где дела тоже обстояли неблестяще. Чтобы выйти из тупика, Ленин предложил создать ЦКК-РКИ из честных и знающих пролетариев и мыслящего элемента; задача этого органа должна была заключаться в «пересоздании» аппарата. И еще одно важное наблюдение. Не только с пролетарской культурой, писал Ленин, но и с «буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо»; «речь должна идти о той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор», «нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур до-буржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, или крепостнической и т.п.»¹⁵.

¹³ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1933. С. 459.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 223.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 45. С. 363, 364, 389.

Не менее серьезным препятствием на пути развития нэпа был сам характер российской пролетарской революции, разразившейся в стране «среднеслабого» развития капитализма.

Сразу же, как только совершился государственный переворот, рабочий класс индустриальных центров России, находившийся в основном под влиянием большевиков, провозгласил завоеванную власть советской, социалистической. Тем самым было намечено общее содержание революции, разительно не соответствовавшее политическим и экономическим реальностям страны. Из этого противоречия между героически-восторженным стремлением пролетарского авангарда, политически развитых слоев рабочего класса и бедноты к социализму и отсталостью страны, господством в ее жизни старой рутинной рудины родились основные коллизии, определившие ход революции.

И здесь нам вновь придется возвратиться к определению исторического содержания Октябрьской революции. Главным в революции в силу ряда обстоятельств оказался вопрос о собственности, частной или общественной. Революция в отношениях собственности, в полном соответствии с доктриной социализма представлялась революционерам средством преодолеть (уменьшить) бедность, ослабить ее давление на всех, особенно на трудящиеся классы. Но насколько и, главное, при каких условиях обобществление ключевых отраслей хозяйства послужит предпосылкой экономического движения общества вперед, станет средством повышения производительности совокупного труда? Пока в стране шла гражданская война, ответить на этот вопрос было невозможно, ибо решался вопрос жизни и смерти революции. При переходе к НЭПу, а особенно в условиях НЭПа, вопрос о государственной монополии на крупную промышленность вставал перед партией с новой силой. То, что обобществление крупных промышленных предприятий, банков, средств связи и путей сообщения является необходимым условием перехода к социализму, сомнений не вызывало. Но НЭП включал эти обобществленные предприятия в систему товарного хозяйства и рынка. Здесь-то и проявились издержки государственной монополии — более низкая эффективность обобществленных предприятий, бюрократизация руководства ими, стремление монополично высокими ценами компенсировать элементарные промахи хозяйствования. С точки зрения экономики, только появление целого «веера» производств с разными типами собственности, управления, разными фор-

мами участия трудящихся в контроле за условиями своего труда и т.п. при взаимодействии всех таких производств с обобществленными крупными предприятиями и трестами способно было обновить народное хозяйство и двинуть его вперед. Абстрактно говоря, пролетарское государство в лице его институтов имело возможность дать ход такому развитию, способствовать эффективным структурным изменениям, предотвращая или смягчая нежелательные последствия экономического роста. Но политическая линия руководства партии в конце 20-х гг. была уже иной, антинэповской. По существу, тогда совершался решающий выбор: идти ли России дальше путем цивилизованных стран, используя сообразно новым социальным условиям их опыт, обновляя его, или двигаться по инерции «военного коммунизма» (с учетом нового соотношения сил), применяя для решения проблем испытанный метод «диктатуры пролетариата».

К сожалению, по своей укорененности в обществе эти тенденции были неравноценны. Первая была представлена силами будущего: частью партийной интеллигенции; людьми, не состоявшими в партии, с широким, европейским кругозором, для которых социализм был чем-то большим, нежели примитивное имущественное равенство; специалистами разных отраслей. Но они составляли меньшинство. За ними, по сути, не было массовой базы: их не понимало большинство партии, политически сложившееся в годы гражданской войны, ослабленное «призывами» и «чистками». Наконец, рабочий класс, настроенный весьма критически по отношению к НЭПу, выступал против «нэпмановской» перспективы. Оставалось, правда, крестьянство, особые условия развития которого в рамках добровольной кооперации могли стать одновременно общими условиями прогресса страны, но оно было слишком темно, необразованно и к тому же лишено возможностей участия в политической борьбе.

Зато вторая, революционно-якобинская тенденция имела за собой все политические «козыри». Благодаря революции и гражданской войне она прочно укоренилась в традициях партии и рабочего класса. Октябрь как событие был грандиозной попыткой связать воедино идею пролетарского социализма с народной, крестьянской революцией. Такого рода попытка постольку стала успешной, поскольку пролетарский переворот разрешал одновременно задачи социальной революции в России. Но в сознании миллионов рабочих,

бедноты, членов партии и беспартийных, успех Октябрьской революции ассоциировался, прежде всего, не с решением общенациональных проблем страны, а с чудодейственными свойствами революционно-якобинского насилия, с преобладанием принуждения над согласием. В этом нет ничего удивительного. Вспомним, что движение рабочего класса в России становится самостоятельным и приобретает четко выраженный пролетарский характер еще до того, как буржуазия завоевала политическую власть и преобразовала государство согласно своим потребностям. Развитию условий, необходимых для существования сильного, сплоченного и сознательного пролетарского движения в нашей стране, разумеется, способствовал ряд обстоятельств, не в последнюю очередь — опыт участия рабочего класса в событиях революции 1905-1907 гг., а также опора российской социал-демократии на идейные традиции рабочего движения в передовых странах Западной Европы. Однако не забудем, что в социальном и культурном развитии российский рабочий (недавний крестьянин) значительно отставал от своих собратьев по борьбе в странах Запада.

Если историческое прошлое народов Западной Европы, особенно Франции, богатое борьбой и уроками, создало тип современного гражданина, человека из народа, который сам относится к себе с известным уважением и которого вследствие этого вынуждены уважать правящие классы, то в России многовековая работа самодержавия по искоренению всяких следов внутренней демократии в народе, чувства собственного достоинства у простолюдина, произвол высших сословий в отношении низших, засилье полиции и чиновничества в повседневной жизни сформировали менталитет простого человека: рабочего, бедняка, плебея, — чьими характерными чертами стали внутреннее ожесточение, ненависть отомстить к «барину», «буржую», слепая озлобленность и мстительность. Конечно, существовал и слой развитого промышленного рабочего класса с совсем иными установками и предпочтениями, но не он задавал тон в 20-е гг. XX в., а сложившийся в годы гражданской войны новый «субъект революции».

Так или иначе, идеи освобождения себя как класса отличались у российских рабочих большей упрощенностью, а главное, весьма слабо согласовались с многоукладной экономикой, существовавшей в стране, и с вытекавшими отсюда историческими потребностями. Годы гражданской

войны еще более упростили социалистический идеал в сознании рабочих: в сущности, он свелся к идеалу социального равенства (а чаще всего и уравнительности), к установке на ликвидацию буржуазии и шире — всех состоятельных слоев. Это был совершенно иной пролетариат, чем тот, который начинал революцию. Надо ли удивляться, что условия НЭПа, в которых очутилась страна в 20-е гг., казались большинству рабочих досадным препятствием, с которым им предлагали временно примириться, а не условиями, выражающими исторически необходимый этап общественного и экономического развития страны. Надо ли удивляться, что рабочему классу того времени, как когда-то санкюлотам, применение насилия во имя приближения светлого будущего отнюдь не казалось чем-то противоречащим прогрессу. Они привыкли к стихии насилия после недавней гражданской войны, где действия обеих сторон отличались исключительной жестокостью и невиданной решительностью.

Но если рабочий класс России психологически и был готов «во имя социализма» идти на обострение «классовой борьбы» и чрезвычайные меры, то непосредственно назревавшие события все-таки имели другую причину — процессы, происходившие в правящей партии РКП(б), а затем ВКП(б). Ибо партия была единственной силой, обладавшей политическим авторитетом и реальной властью, способной направить развитие событий в обществе в то или иное русло.

Здесь придется сделать небольшое отступление, чтобы читатель легче смог войти в суть дела.

Длительная самоотверженная борьба с царизмом. Октябрьский переворот, победа в гражданской войне выдвинули РКП(б) на политическую авансцену. Левые эсеры, меньшевики, часть из которых была на свободе, практически не могли помышлять о создании самостоятельных партий. Под непосредственным контролем большевиков находились и такие могучие орудия государственной власти, как Красная армия и ВЧК. Короче, центр тяжести нового политического устройства переместился в партию. Именно она была призвана стать вождем и мозгом трудящихся масс, т.е. понимать особенности различных этапов продвижения к новому обществу, формы проявления основных противоречий, внушать массам убеждение в правильности пути. Именно она, оставаясь пролетарской по своим взглядам, идеологии, интернационализму, должна была учитывать устремления всех

классов и групп, составляющих общество, и в первую очередь — крестьянства. Наконец, именно ей, ее руководству предстояло разработать программу строительства, в которой было бы указано, каким образом рабочий класс, будучи господствующим классом, намерен разрешить важнейшие экономические, политические, национальные проблемы, проблемы образования, демократии и т.п., волновавшие различные слои трудящихся России. Решение всех этих задач, которые сами по себе были достаточно сложны, если вообще разрешимы, упиралось прежде всего в обновление идеологии и, особенно, в коренную перестройку практической деятельности партии. От процессов, происходивших в ней, зависела полнокровная политическая жизнь в стране, формы дальнейшей хозяйственной и политической эволюции. Но именно ее-то (партии) положение в условиях нэпа было насквозь противоречиво.

Победа революции существенно ограничила (а в значительной степени и просто перекрыла) доступ к политической власти как раз тому классу — крестьянству, чье социальное рабство она разрушила; а тот класс — пролетариат, освобождение и власть которого она санкционировала, вследствие своей культурной неразвитости, а также бюрократизации всей общественной жизни, кроме повысившегося социального статуса, не обретал никаких серьезных рычагов влияния на политику. Политическое господство рабочего класса было втиснуто в рамки деятельности одной единственной, централистки построенной партии, в те рамки, которые после X съезда РКП(б) благоприятствовали концентрации власти в руках немногих, а в пределе — одного человека (ср. Ленин: «тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть...»¹⁶ Такое положение означало, что те группы внутри партии, которые рвались к активной работе, к самостоятельному мышлению, неизбежно становились фракциями, оппозициями, противостоящими руководству партии («генеральной линии», как тогда выражались). Но победа руководящей группы во главе со Сталиным над фракционерами, будь то «левыми» или «правыми», вела не к торжеству целого (т.е. партии) над одной из его частей, а прокладывала путь к авторитарной власти генсека, к укреплению бюрократического элемента в руководстве. Характерная иллюстрация: разгром «новой оппозиции»

и «правого уклона», опиравшихся соответственно на ленинградскую и московскую организации, оказался средством покончить с наиболее культурной, наиболее продвинутой в политическом отношении частью партии. Единство было достигнуто путем отсечения от партии всех несогласных. Меч, вознесенный над головами оппозиционеров, навис и над самой партией, аппарат которой постепенно превращался в личный домен Хозяина.

Сталин не был мыслителем калибра Троцкого или даже Бухарина. Но он интуитивно чувствовал настроения порожденного революцией громадного слоя людей, особенно из провинции, неприятие ими НЭПа. Выбитые революцией из привычной колеи, из векового уклада жизни эти люди чувствовали себя маргиналами в обществе, которое они завоевали. То, что НЭП стал прогрессом для страны, отрицать было трудно, но у этого слоя были все основания не считать этот прогресс *своим* прогрессом. Поражение ленинской гвардии открывало для указанного слоя людей реальную перспективу: коллективизация была насилием против «мелкого буржуа» во имя «социализма», а начало насилия и ненависть к собственнику было впитано ими с молодых лет. На этот слой Сталин сделал ставку — и выиграл. Страна под его руководством попыталась проделать за короткий период в десяток лет ту эволюцию, которая еще недавно представлялась делом многих десятилетий.

Действия людей отличаются в это время невиданным энтузиазмом и одновременно невиданной жестокостью. Каждый успех приобретался ценою утрат, прогресс шел рука об руку с регрессом. Порожденный революцией политический подъем делал людей глухими к чужим страданиям («лес рубят — щепки летят»). Выполнение планов любыми средствами, невзирая на жертвы и лишения, становится нормой. Характерная для России весьма слабая связанность поступков с нормами права или даже вообще свобода от юридических норм превращает общество в заложника диктаторского государства. Преступления против целых социальных слоев становятся нормой: расстреливали и ссылали в лагеря *классовых врагов, а не людей*. В деморализованном общественном сознании торжествует точка зрения инквизиторов и фанатиков религиозных войн, когда всех подозрительных огульно зачисляли во «врагов народа» и «отступников», считая их истребление богоугодным делом. Таким образом, враг, с которым пролетарской революции в России пришлось встретиться и который одержал победу над ней,

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 45. С. 345.

находился не вне рабочего класса; он находился в самом пролетариате, в трудящихся массах, в их неразвитости и некультурности, в господстве идей социальной избранности, преобладания над всеми иными общественными группами¹⁷. Рабочий класс не просто поддался на грубую лесть, внушавшую ему, будто крестьяне и интеллигенция, в отличие от него, — люди низшего социального ранга, которыми можно управлять, не ограничивая себя какими-то условностями. Он поверил, (а как не поверить партии, под руководством которой он «штурмовал небо»), что может добиться социалистической цели скачком, фронтальной атакой, путем «ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации», и приспособился к роли исполнителя, к роли «массы», подчиняющейся чужой воле. Конечно, он был обманут, но он *хотел быть обманутым*, хотел верить, что может перейти к социализму в короткий срок, пусть и ценой громадных усилий и жертв.

Раб или ремесленник античного мира осуществлял свое освобождение, вступая в христианскую общину, где конкретно чувствовал себя равным всем другим, братом; рабочий же в России попытался освободить общество путем низведения всех его членов до собственного положения. Благодаря «раскулачиванию» и принудительной коллективизации, которая означала в большинстве случаев исчезновение крестьянина как самостоятельного земледельца, хозяйствующего на своей земле, создается одинаковый уровень отношений на всем гигантском пространстве страны, возникают условия для равномерного воздействия на все части этой однообразной массы из одного центра. Господство всемогущей и бесчисленной бюрократии — во Франции, в свое время, достигнутое на основе укрепления парцеллярной собственности крестьянина — в России оказалось следствием отчуждения подавляющего большинства населения от собственности и превращения его в наемников на службе у «своего» государства. Незачем пространно доказывать, какую силу приобретали в этих условиях государство и стоящая над ним партия по отношению к отдельному лицу и к обществу в целом. Никакой общности связей в общенациональном масштабе, никакой самостоятельной организации, никакой защиты своих интересов, осуществляемой от собственного имени, будь то через посредство Советов, комсомола или про-

фсоюзом. Десятки миллионов не могли политически представлять себя в общественной жизни, их представляла только Коммунистическая партия, а в ней — вожди.

К сказанному надо добавить, что пролетарская революция придала больший вес городским низам и крестьянской бедноте, т.е. элементам, в силу тех ли иных причин выбитым из общественной и производственной жизни или не нашедшим себя в ней. Эти слои после крушения старой России стали массовыми. И поскольку всякая деятельность, имеющая общественное значение, была огосударствлена, бюрократизирована, постольку сотни тысяч (если не миллионы) людей, недостаточно подготовленных духовно и в культурном отношении, устремились в государственные учреждения. Пожалуй, прежде всего в результате вторжения этого элемента в общественную жизнь, в государственные учреждения, в репрессивные органы происходит *варваризация* исполнительной власти.

Огромные возможности деспотического государства, соединенные с азиатским игнорированием прав человеческой личности, дали в руки Сталину и его сторонникам чудовищную, неслыханную силу созидать и разрушать. Экономический рывок в годы пятилеток наглядно свидетельствует об этом. В этом смысле Сталин — самый полный тип эпохи, ею вызванный к жизни. Но историческую задачу этой эпохи составлял уже не социализм, а *держава*; государство было все, а человек — ничто. В условиях страны с полуазиатскими нравами, со слабой демократической традицией это государство оказалось в состоянии серьезно ослабить интеллектуальный потенциал страны, расшатать устои народной нравственности и прочно заблокировать политический прогресс. Справедливости сказанного не противоречит факт бурного развития в годы пятилеток ряда отраслей промышленности, прежде всего оборонных. Ведь их развитие осуществлялось за счет других отраслей народного хозяйства, за счет социальной инфраструктуры в целом. Всестороннее прямое вмешательство государственной власти в народное хозяйство, иногда полезное, иногда губительное, создавало, как правило, тепличные условия для функционирования экономики: на стадии, когда промышленность только-только выходит из своего детского состояния, государственная монополия оказывалась в противоречии с интересами развития. Мы уже не говорим о плановом гигантизме, который не позволял

¹⁷ См.: Карпинский Л. Здравый смысл перестройки // Век XX и мир. 1989. № 1.

«привязать» экономику ни к местным условиям, ни к иностранному рынку, не говорим об отсутствии стимулов к модернизации производства, да и просто к добросовестному труду. Но не будем упрощать: за этот период страна сделала громадный скачок в своем экономическом и культурном развитии и встала вровень с главными европейскими державами. Вера народа в лучшее будущее, значит в истории немало.

Нам осталось сказать о международном значении Октябрьской революции. И здесь вновь не обойтись без сопоставления ее с Французской революцией. Великую Французскую буржуазно-демократическую революцию конца XVIII в. продолжала вся Европа; ее идеи в XIX в. дали закваску освободительной мысли России, побуждая полемизировать с ними, идти дальше. А в это время Франция расплачивалась за свой «скачок в будущее» отставанием от тех, кто уходил вперед, превращая «свободу, равенство и братство» в технологию, в постоянный капитал, в навык машинного труда, в фабричное законодательство, триумфальное шествие «всеобщего эквивалента» и опытного знания»¹⁸. Не так ли дело обстоит и с Великой Октябрьской революцией? Она не оправдала (да и не могла оправдать) тех преувеличенных надежд, которые с нею связывались при ее свершении, хотя и обеспечила прорыв огромной страны в Современность, но она стала фактором революционного обновления мира, освобождения его от пут социального и умственного рабства, колониального гнета и национального неравноправия, короче, всего того, что исторически сплелось в империализме. Эти последствия выявились с тем большей наглядностью, что государство, рожденное Октябрем, одержало в союзе с другими странами всемирно-историческую победу над германским фашизмом и японским милитаризмом. Результатом этой победы, в одних случаях непосредственным, в других — опосредованным, стало создание «социального государства» в странах Западной Европы, пробуждение народов колоний и полу-

колоний, крах колониальной системы империализма в ее, так сказать, классическом виде.

Правда, как в свое время и Франция, СССР заплатил за прорыв собственным отставанием. В то время как развитые капиталистические страны создавали общество, отвечающее потребностям НТР и современной цивилизации, советский народ ценой громадных усилий создал военную «сверхдержаву», единственным преимуществом которой является способность уничтожить все живое на планете. Как это получилось, мы сегодня в состоянии понять. Но этого уже недостаточно. Возникшая в результате событий августа 1991 г. демократическая Россия вновь поставила на повестку дня общественного развития все те вопросы, которые Октябрьская революция либо не сумела решить в духе современной цивилизации, либо решала их, сообразуясь с ограниченными доктринами и преходящими историческими обстоятельствами. Экономика производительного неравенства, для которой форма собственности является делом не принципа, а практической целесообразности, цивилизованное и цивилизующее государство, недостижимое, пока не преодолена власть бюрократии над человеком, культурная (и моральная) революция, модель интегрального развития общества, которая была бы ориентирована на различия, на разные подходы, на несовпадающие традиции и обстоятельства, наконец, Россия, преодолевшая прежние классические противостояния, Россия как мир в Мире человеческих миров — разве эти цели противоречат проекту, зачину Октября? Но сегодня, спустя 80 лет, обогащенные трудным, порой трагическим опытом, мы знаем, что путь к реализации этих целей пролегает не через классовую борьбу и диктатуру партии, общественного слоя, а через нахождение — каждый раз заново — формулы единства разных социальных сил, формулы социального компромисса. Только тогда создание другой жизни перестанет быть катастрофой для этой, и Россия начнет работать вместе с другими странами над решением проблем современной цивилизации.

Список литературы:

1. Гефтер М.Я. Страница из истории марксизма начала XX века // Историческая наука и проблемы современности. М., 1969.
2. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991.

¹⁸ Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 61.

3. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М., 1998.
4. Карпинский Л. Здравый смысл перестройки // Век XX и мир. 1989. № 1.
5. Крицман Л. Героический период Великой русской революции (Опыт анализа т.н. «военного коммунизма»). М.: Госиздат. Б. г.
6. Лебедев А.А. Проблема политических компромиссов // Ленин как политический мыслитель. М., 1981.
7. Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 33. М., 1962.
8. Ленин В.И. Политический отчет ЦК РКП(б) 17 марта // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 44. М., 1964.
9. Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 45. М., 1964.
10. Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 45. М., 1964.
11. Ленин В.И. Письмо к съезду // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т. 45. М., 1964.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., 1955.
13. Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М., 1957.
14. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1933.
15. Ревуненко В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Якобинская диктатура и ее крушение. Л., 1983.
16. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 7. М., 1956.

References (transliteration):

1. Gefter M.Ya. Stranitsa iz istorii marksizma nachala KhKh veka // Istoricheskaya nauka i problemy sovremennosti. М., 1969.
2. Gefter M.Ya. Iz tekhn i etikh let. М., 1991.
3. Kapustin B.G. Sovremennost' kak predmet politicheskoy teorii. М., 1998.
4. Karpinskiy L. Zdravyy smysl perestroyki // Vek KhKh i mir. 1989. № 1.
5. Kritsman L. Geroicheskiy period Velikoy russkoy revolyutsii (Opyt analiza t.n. «voennogo kommunizma»). М.: Gosizdat. В. г.
6. Lebedev A.A. Problema politicheskikh kompromissov // Lenin kak politicheskii myslitel'. М., 1981.
7. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Izd. 5. Т. 33. М., 1962.
8. Lenin V.I. Politicheskii otchet TsK RKP(b) 17 marta // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Izd. 5. Т. 44. М., 1964.
9. Lenin V.I. O kooperatsii // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Izd. 5. Т. 45. М., 1964.
10. Lenin V.I. O znachenii zolota teper' i posle polnoy pobedy sotsializma // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Izd. 5. Т. 45. М., 1964.
11. Lenin V.I. Pis'mo k s'ezdu // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. Izd. 5. Т. 45. М., 1964.
12. Marks K., Engel's F. Nemetskaya ideologiya // Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2. М., 1955.
13. Marks K. Burzhuaziya i kontrevolyutsiya // Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2. М., 1957.
14. Stalin I.V. Voprosy leninizma. М., 1933.
15. Revunenko V.G. Ocherki po istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii. Yakobinskaya diktatura i ee krushenie. Л., 1983.
16. Engel's F. Krest'yanskaya voyna v Germanii // Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2. Т. 7. М., 1956.